



ХРОНИКА УЕЗДНОЙ ЧК

Юрий БОРОДКИН
г. Ярославль

1918 год. Один из самых тяжёлых в истории нашего государства. Гражданская война, в которой погибло более 7 млн человек («Красная эпоха», ОЛМА Медиа Групп, 2010 г.). Голод, болезни, полная разруха.

Кажется, ещё недавно тема Гражданской войны не причислялась к исторической литературе, а ведь речь идёт о событиях столетней давности, освещение которых было однобоко, с позиций победившего большевизма, когда революционное насилие, репрессии и беззакония, творимые во время красного террора, преподносились как нечто героическое, оправданное высшими целями (а цель была одна — любой ценой удержаться у власти).

5 сентября вышло постановление о «красном терроре», по которому местные чрезвычайные комиссии получили полную свободу действий. Вот когда появилась система трудовых концентрационных лагерей, так что изобретены они были не тов. Сталиным, а «дедушкой» Лениным, Троцким и К°. К

окончанию Гражданской войны в этих лагерях находилось, по официальной статистике, 76 тысяч человек. В Ярославле они были устроены в святых обителях: Казанском и Спасо-Преображенском монастырях.

Такова хроника событий, связанных с повсеместными репрессиями, жертвами которых стали сотни тысяч человек, часто виноватых лишь в своём сословном происхождении.

Весной 1918 года были созданы Ревтрибуналы ЧК, которым давалось «неограниченное право в определении меры репрессий», руководствуясь интересами революции. Философ Н. Бердяев писал: «Советское государство стало таким же, как всякое деспотическое государство, оно действует теми же средствами, ложью и насилием».

Этой обстановке соответствуют действия чекистов в нашей хронике.

«Надо расширить применение расстрела...»

Суд не должен устранить террор, а обосновать и узаконить его принципиально...»

*И всё то же бешенство деятельности,
всё та же неугасимая энергия,
ни на минуту не ослабевающая вот уже скоро
два года.*

Да, конечно, это что-то нечеловеческое.

Люди совсем недаром тысячи лет верят в дьявола.

Дьявол, нечто дьявольское, несомненно есть.

И. Бунин. «Окаянные дни»

ТРАГЕДИЯ В ДЕРЕВНЕ КАМЕНКЕ

Итак, перенесёмся в «боевой восемнадцатый год», в Пошехонский уезд Ярославской губернии, известный благодаря М. Е. Салтыкову-Щедрину. Казалось бы, о каком терроре могла идти речь в северной глубинке, далёкой от столиц и фронтов Гражданской войны, но красное пламя опалило и этот край. И здесь появилась местная Чрезвычайная Комиссия во главе с председателем Н. Скородумовым, а при ней — боевой отряд под командованием В. Смирнова, совершавший свои «подвиги» только против мирных жителей окрестных сёл и деревень.

Если есть вооружённые люди, наделённые карательными полномочиями, и нет реального окопного врага, его легко найти, обозвав кулацким элементом, разной «контрреволюционной сволочью» неугодных граждан. Круто выражались большевики-чекисты о своём народе.

Ну скажите, какие контрреволюционеры могли быть в деревне Каменке, расположенной верстах в десяти от уездного города, где жили случайно занесённые судьбой эстонцы? Однако 8 ноября 1918 года сюда прибыл боевой отряд Пошехонской ЧК, направленный её председателем и командующим вооружёнными силами (вот так!) вышеназванным Н. Скородумовым.

Приказ №2

Командующего вооружёнными силами города
и уезда

*С получением сего немедленно выслать от
начальника отряда №5 тов. Смирнова В. при
Чрезвычайком отряд силою 7 человек для ареста
заложников из сословия эстонцев кулацкого эле-
мента в Колобовской и Ермаковской волостях.*

*Командующий вооружёнными силами
города и уезда
Н. Скородумов*

Отряд, вооружённый не только винтовками и револьверами, но, почему-то, даже бомбами (гранатами), прибыл в деревню и, согласно распоряжению командующего, приступил к привычной конфискации имущества у поименованных шести крестьян, похожей на мародёрство, причём сами эстонцы назвали по какому-то недоброжелательству ещё двоих однодеревенцев, дескать, они не беднее нас, и тем обрекли ни в чём не повинных людей на гибель.

Отбирали всё по собственному произволу. Пользуясь безнаказанностью, конфискаторы не обошли стороной даже общественную лавку, забрав из неё приглянувшийся товар и десять тысяч рублей. С восемью арестованными заложниками и награбленным имуществом на нескольких подводах тронулись в обратный путь. Судя по показаниям отрядников, была рань ранняя: может быть, не хотелось «засвечиваться» в придорожных деревнях, а скорее всего, потому что планируемое преступление удобней было совершить в глухое, безлюдное время. Это теперь Каменка находится на шоссе, на берегу Рыбинского моря, а в те времена существовал обыкновенный лесной просёлок.

Бедные эстонцы! Могли ли они подумать, что всего через какой-то час жизнь их оборвётся, что будут расстреляны самым коварным образом? Вероятно, наивно надеялись, что допросят их в уезде и отпустят домой. Никакой вины за собой не чувствовали, и без того пострадали, лишившись имущества.

А пока ещё движется обоз, поскрипывают телеги, всхрапывают лошади, зябко поёживаются седоки: покорные арестованные и молчаливый конвой: жили по соседству и вдруг стали врагами по воле вдохновителей революции.

Предоставим слово свидетелям и исполнителям этой расправы, и, следует заметить, такими же крестьянами-земляками, набранными в отряд из пошехонских деревень. Председатель Следственной комиссии при Рыбинском Революционном Трибунале Э. Майстер допросил всех членов отряда. Чтобы прояснить ситуацию, приведём некоторые из показаний (под давлением начальства красноармейцы старались мотивировать расправу попыткой эстонцев к бегству).

«И. Лавров, 24 года, не судился, женат, имею одного ребёнка, занимаюсь крестьянством, коммунист, номер партийного билета №263.

Виновным себя в убийстве и ограблении эстонцев не признаю, я только выполнял приказания начальства. Я был членом отряда Смирнова, его помощником был Кочкин. Когда мы приехали в Каменку, нам приказал начальник Смирнов произвести обыск и вещи отобрать. Деньги отбирал т. Денисов и связал их в платок у себя на ремне. Мы отбирали то, что нам было приказано отобрать, это нам указал т. Смирнов. Я сам лично слышал, как во время нашего отъезда в Каменку Скородумов сказал Смирнову, что в случае малейшего сопротивления их можно расстрелять, чтобы их не возить в город. При этом он нам давал бомбы и приказывал бросать там, где будет собираться народ, мы бомбы с собой не взяли. Больше я о Скородумове ничего не знаю.

Когда мы ехали из деревни Каменки, то эстонцы были посажены на двух лошадях в середине подвод. Я ехал на задней лошади, кто из нас сидел с ними, я не знаю. Вдруг послышался выстрел и крик начальника Смирнова: стрелять! На этот крик эстонцы выскочили и разбежались, и мы стали по ним стрелять, стреляли на недалеком расстоянии. В волостном доме в карты не играли. Больше ничего показать не могу. Я стрелял в силу необходимости, так как не мог не выполнить приказаний. Вещи мы сдали Чрезвычайной Комиссии. И. Лавров».

Приведём ещё некоторые показания в сокращении.

«А. Денисов, 38 лет, не судился, служил агентом ЧК, коммунист, номер партийного билета №205...

В это время уезд был объявлен на военном положении, кто объявил, я не знаю... Я был в отряде простым рядовым. Я обыскивал, как и все обыскивали, у меня были и деньги, но я их сдал Смирнову. Я не считал, дал ему так... Скородумов всегда говорил, делайте что я вам приказываю, что не нужно никакой бумажной формалистики. Мы ехали задремавши, уже уснули, как вдруг слышим выстрел и команду и голос Смирнова: держите арестованных! Все эстонцы выскочили из подвод и хотели бежать. В них стреляли на разных расстояниях. Мы ехали утром, было немного светло, рассветало уже... Всё имущество и деньги было нами сдано в ЧК. Кто растащил большую часть имущества, я не знаю. Я видел, что пробой, где висел замок, был сорван. Больше показать ничего не могу. А. Денисов».

«Н. Кочкин... Виновным себя в убийстве и ограблении 8 эстонцев не признаю. Я даже не расстре-

ливал их, а держал лошадей... Скородумова я знаю как нечестного человека, он был пьян ежедневно. Вино он доставал в больнице по знакомству. Мне кажется, что он присвоил себе народные вещи, так как у него ничего не было, а в последнее время у него всё было...

Об настоящем председателе ЧК могу сказать только, что он носит чужие часы, отобранные в Семёновском у Медведева. Фамилия этому председателю Удалов (он сменил на этом посту Скородумова. — Ю.Б.). Гундышев и Ильин всегда сортировали вещи, отобранные от буржуазии, и присваивали себе их — оба они скрылись. Когда из Семёновского были привезены вещи, то председатель Удалов пришёл в арестный дом и стал спрашивать от нас какого-то кольца стоимостью 300000 рублей, мы ему сказали, что это кольцо у Ильина (товарищ председателя ЧК Скородумова, зав. спекулятивным отделом. — Ю.Б.)... Н. Кочкин».

«А. Гусев, 28 лет, неграмотный, портной, коммунист... Нас всех было в Каменке 9 человек, а из боевого отряда было взято 4 человека, остальные были агенты ЧК. Я служил при ЧК простым красноармейцем. Когда Скородумов нас отправлял, то сам он был сильно пьян и сказал: «Где только много народу, бросайте бомбы». Серебряков взял от него одну бомбу. Мы ехали лесом, и вдруг я услышал выстрел. Я соскочил и стал держать лошадей, я никак не мог понять, что делалось... Я не могу сказать, хотели ли они убежать или нет, так как я проснулся во время выстрела...

Я был со Смирновым в Семёновском, производили обыски, отобрали оружие, и знаю, что часы, которые сейчас носит Удалов, часы Медведева.

А. Гусев».

Чекист М. Серебряков добавил, что, после того как привезённые из Каменки вещи были сданы в ЧК, у кладовой стоял красноармеец, но вскоре пост был снят, и кладовая открыта, два замка сломаны. Другие агенты ЧК и красноармейцы, вероятно, по сговору, утверждали, будто не знали, сколько было отобрано денег, «только видели, что было много кошельков», и почему-то все дремали (это — на холоде, в ноябре месяце), а расстрел оправдывали тем, что заложники пытались убежать, хотя в это трудно поверить, поскольку в предрассветный час, при дремотном карауле, в лесу кто-нибудь мог бы скрыться. Позже командир отряда признал задуманный расстрел...

Мне видится то сумеречное осеннее утро, растянувшийся по дороге обоз, обреченно побледневшие эстонцы, поставленные в шеренгу, а перед ними красноармейцы с винтовками и чекисты с револьверами. Вчуже страшно от такой безжалостной, ничем не спровоцированной расправы, и даже теперь, почти через сто лет после тех кровавых событий, чувствуешь своё бессилие, как будто мог, но не предотвратил эту трагедию. Даже в последнюю минуту стоявшие шеренгой обречённые, вероятно, не верили, что в них могут выстрелить вчерашние крестьяне, такие же, как они.

Не менее жестокий «поход» в село Семёновское был совершён «боевым» отрядом ЧК накануне, в день годовщины Октябрьской революции: ознаменовали, что называется, свой праздник. Легко расправляться над бесправным запуганным народом. Весьма любопытные и более подробные показания об этих карательных экспедициях дал командир отряда Смирнов, тоже, как ни странно, не признавший себя виновным:

«В. Смирнов, 36 лет, грамотный, женат, имеет троих детей, слесарь, в настоящее время занимается крестьянством, коммунист, номер карточки №68... Мы имели мандат только на арест эстонцев от командующего всеми вооружёнными силами города т. Скородумова. Нам было дано такое приказание, при малейшей попытке бежать расстрелять и отнестись полевым рапортом о расстреле, кроме того, Скородумов велел произвести повальный обыск, велел он также бросать бомбы, где только много народу. Сам Скородумов был пьян. Скородумов, я должен признаться, **приказал их прямо расстрелять дорогой**, а ему отнестись полевым рапортом о расстреле и побеге. Кроме того, сам Скородумов приказал отобрать имущество. Когда я заявил о бумажных доказательствах о расстреле, то Скородумов сказал, что никаких не может быть документов в военное время. Расстрелять Скородумов эстонцев велел потому, что он как будто бы получил телеграмму, что эстонцы совместно с белогвардейскими войсками (?) наступают на Пошехонье, ввиду того он ещё добавил, что они замешаны в контрреволюционных выступлениях в волости. Итак, **сам Скородумов велел нам симулировать побег эстонцев**. Он и растащил много привезённого имущества, принимали ещё кроме Скородумова участие Ильин, Фёдоров, затем ещё Гундышев, оба они скрылись. Я лично ви-

дел, как Гундышев, Ильин и Скородумов взяли себе мануфактуру.

Когда приехала из города Ярославля комиссия, то Скородумов прибежал ко мне на квартиру и велел мне сказать членам комиссии, что эстонцы расстреляны за побег, что мне из-за этого ничего не будет, а о том, что он сам нам велел их расстрелять, велел об этом ничего не говорить приехавшей комиссии. «Как только уедет комиссия, мы тебя сейчас же освободим, это только формальстика», — сказал мне Скородумов, когда я ещё не был арестован.

Скородумов всё сам разъезжал и налагал на людей штрафы и вообще имел тенденцию расстреливать, чтобы поживиться. Часто протоколы составлялись Скородумовым задним числом, когда он видел, что будет ревизия. Отобранные вещи всегда делились между Скородумовым и комиссией, никакого отчёта никогда не было. Весной я лежал в г. Ярославле в психиатрической больнице и вышел оттуда в мае месяце. Это знал Скородумов и всегда, как отправлял на обыск, говорил: «Расстреливай, вам всё равно ничего не будет, вы душевно больны, вас обвинять не будут». Я прошу допросить моего брата П. Смирнова, который может подтвердить мои слова о Скородумове. Также знает об этом Серебряков и Лавров, они также знают, как составлялись протоколы об убийстве коммуниста Беляева и Черношвитова (об этом будет рассказано ниже. — Ю.Б.). Скородумов всегда окружал себя подозрительными личностями, каковыми были Ильин, Гундышев. Ильин был просто петроградский хулиган. Однажды вошёл в ... гражданин и заговорил с Ильиным, Ильин вынул револьвер и там же застрелил и завалил бумагами, его зарыли за тюрьмой. Также застрелил крестьянина Кокорев, это знает Серебряков из нашего отряда...

Ильин и Скородумов расстреляли также одного петроградского коммуниста Беляева и Черношвитова. Беляев ехал на велосипеде и встретился со Скородумовым и Ильиным. Те велели ему остановиться, так как им понравился велосипед. Беляев остановился и отказался отдать свой велосипед, они приказали немедленно отвести его в тюрьму, это могут подтвердить Серебряков и Тумаков, которые присутствовали при этом. Скородумов был пьян, я должен сказать, что Скородумов всегда пьян. Вино он доставал из санитарного отдела, от тов. Мичурина...

Когда я привёз товар из Каменки, то мне никакой расписки не дали. (Перечисляется товар, привезённый из каменской лавки: сатин, мыло, чай, папиросы, табак и пр. — Ю.Б.) Нынешний председатель ЧК Удалов взял себе золотые часы с цепочкой Медведева в Семёновском: большие старинные, головкой. Что он взял эти часы, могут подтвердить ещё все члены нашего отряда. Когда я сидел в арестном доме, то он послал на почту комиссара, чтобы он строго следил, чтобы ни одна бумажка не попала от меня в город Ярославль. Удалов, когда я сидел в арестном доме, пришёл ко мне ночью с усиленным конвоем и приказал мне следовать за ними, а также всем нам, и повели нас в тюрьму, и хотели нас расстрелять, чтобы скрыть всю эту грязь. Нас заперли в одну холодную комнату без воды и пищи, и трое суток мы ждали расстрела.

Когда мы уехали из Каменки, то... двое из эстонцев соскочили с подводы. Я дремал, но всё же поглядывал. Я дал выстрел вверх. Я хотел их довести до волости, а там их расстрелять, **как мне приказал Скородумов**. В волости я хотел составить списки расстрелянных и опись имущества, но так как двое из них соскочили с подводы, то мы их всех на месте расстреляли. В волостном доме никто из нас в карты не играл. Относительно денег могу сказать, что деньги находились у агента Денисова, и если таковых не хватает, то их нужно потребовать от него. В Пошехонье я сдал 40000 рублей, эти деньги я получил от агента Денисова, я сам денег ни от кого не отбирал. Сколько всего взяли денег в Каменке, я не знаю, это знает Денисов. Ещё был агентом Кочкин, он также отбирал деньги. Максимов пиджак надел с моего разрешения, так как мне он сказал, что ему холодно. Больше ничего показать не могу.

В Семёновское я был также делегирован Скородумовым **в день праздника Октябрьской революции**. В Семёновском он мне велел расстрелять минимум 30 человек из богатого сословия (возможно, опечатка — трёх человек? — Ю.Б.) и отобрать всё имущество, что и было сделано мною. Из Семёновского я отправил двести (200) подвод с имуществом, которое тоже было растащено членами ЧК, кто из них растащил это имущество, не знаю. В Семёновском я отобрал много золотых колец, ожерелье, браслеты, часы дамские и мужские, бриллиантовое кольцо. Когда я приехал

из Семёновского, то видел, что отобранное мною имущество наполовину растащено. Когда я после поездки в Каменку, спустя четыре дня, поставил караул у кладовой, где находились вещи Семёновские и Каменские, то караул был снят, кто снял караул, не знаю. В Семёновском я был с отрядом из 36 человек, список их находится в Военном Комиссариате...В. Смирнов».

В других документах говорится о каких-то трёх расстрелянных в Семёновском гражданах, причём не пощадили даже женщину Дерунову. Чем она могла так провиниться? «Люди с чистым сердцем», чекисты, опричники новой власти, творили в деревнях беспредел. Можно представить, сколько таких грабительских, разбойных походов совершил названный отряд летом 1918 года, когда в стране развернулся массовый террор, и в 1919 году, когда резко усилилось дезертирство из армии и прокатилась волна крестьянских восстаний. Действовали по пословице: кто с ножом, тот и с мясом. И какой смысл был в этих конфискации, если отобранное добро разворовывалось самими чекистами?

Только в марте 1919 года, когда Рыбинский Революционный Трибунал признал действия боевого отряда преступными, жители Каменки обратились с заявлением о возвращении общественных денег. Они писали: «Мы граждане эстонцы деревни Каменки доносим Губернскому Трибуналу следующее дело. 1918 года ноября 8-го дня прибыл из уезда отряд вооружённых лиц, которые производили конфискацию в 8-ми домах и в том же числе зашли в Общественную лавку, откуда взяли разного товару и от кассира Петра Михайловича Кирша общественных денег 10.000 рублей. Почему-то мы не получили денег до настоящего времени, справлялись в Пошехонском казначействе, но там ответили, что без разрешения Губ. Трибунала выдать не имеем полного права. Ввиду этого покорнейше просим Вас Трибунал разрешить выдать эти деньги как принадлежащие Обществу потребителей.

Остаётся ждать Ваших уважаемых известий и просим не оставить нашу прозбу без послетствий.

М.П. Кирша, К.К. Раудкиви, К. Конно и др.».

Запуганные каменцы даже не упоминают о конфискации частного имущества, о злодейском убийстве односельчан и, вероятно, родственников: как бы не вышло себе дороже.

БЕЛЯЕВ И ЧЕРНОСВИТОВ

Это были разные люди, вероятно, даже незнакомые, но обретшие одну печальную судьбу: может быть, их останки и сейчас лежат в земле рядом друг с другом, в том месте, где их закопали возле тюрьмы, если не перезахоронили. Они стали жертвами злодеяния, совершённого уже не в деревне, а в самом уездном городе.

Беляев, упоминавшийся выше петроградский студент, если верить Смирнову, коммунист, возможно приехавший в Пошехонье на время.

Черносвитов — 30-летний дворянин, окончивший Ярославский Демидовский юридический лицей, до революции работал в земстве, после жил в Пошехонье, где имел квартиру, с матерью и двумя сёстрами, а во время террора 18-го года увёз их в имение отца, село Приютное. В сохранившемся паспорте записано: «Черносвитов Виталий Александрович... Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 4 февраля 1912 года №8 утверждён в чине Губернского Секретаря со старшинством с 30 ноября 1911 г. по диплому Демидовского Лицея... 7 октября 1912 года назначен Земским Начальником 6-го участка Весьегонского уезда».

До своего ареста 14 октября 1918 года успел отправить сестёр, Софью и Веру, через Череповец в Петроград (дальнейшая их судьба неизвестна, но, думается, и в Питере не избежали они знакомства с ЧК). Черносвитов был арестован Скородумовым «за укрывательство от террора», хотя находился в своём имении. Род Черносвитовых являлся старейшим в Европе.

В тот роковой вечер, 12 ноября 1918 года (заметьте, прошло всего четыре дня после расправы в Каменке), гражданин Беляев проезжал на велосипеде по мосту через реку Согу и, надо же беде случиться, повстречался с замом Скородумова, начальником спекулятивного отдела ЧК Ильиным. Тому приглянулся велосипед, мол, дай прокатиться. Беляев пытался отказать, но попробуй противиться члену ЧК, у которого браунинг в кармане.

Ильин был пьян, упал с велосипеда, а Беляев осмелился критикнуть: «Сначала научился бы ездить», и этого оказалось достаточно, чтобы Ильин тотчас велел проходившему рядовому отвезти бедолагу Беляева в тюрьму. И не удивительно, если губернская ЧК некоторым своим сотрудникам выдавала удостоверения, обладателям которых

«предоставлялось право на задержание и арест лиц по их усмотрению».

Беляева доставили сначала в ЧК, потом повели в тюрьму, и тут, во дворе, он был застрелен по команде совсем распоясавшихся Скородумова и Ильина, причём, по показаниям красноармейца П. Лаврова, «Скородумов был пьян. Он взял винтовку у Серебрякова и стал стрелять в лежащего, он ещё стонал». Они же распорядились вызвать из тюрьмы несколько арестованных, чтобы закопать труп тут же во дворе тюрьмы. Среди вызванных оказался дворянин Черносвитов. Может быть, он упрекнул Скородумова в злодеянии, только во время их разговора Ильин выстрелил в спину Черносвитова, тот упал, и уже сам Скородумов пять раз (!) выстрелил в него из браунинга. Полнейшее самодурство!

Послушаем одного из участников этого ЧП.

ПРОТОКОЛ

1918 года Декабря 5 дня. Следователь при Пошехонской ЧК вследствие личного распоряжения председателя этой комиссии Удалова опросил нижепоименованного лица, который показал:

М. Серебряков, 33 года, я состою агентом при ЧК, происхожу из граждан деревни Гривны...

12 ноября я был дежурным при ЧК. Вечером, в начале седьмого часа в комиссии явились Скородумов, Ильин и Тумаков, которые привели Беляева. Скородумов с Ильиным приказали мне, Тумакову и Лаврову вести Беляева в тюрьму... Когда стали подходить к тюрьме, арестованный Беляев повернул в проулок, то Скородумов скомандовал: стреляй! Я с Тумаковым и Лавровым сделали залп в Беляева который упал мёртвым. Убив Беляева, его снесли во двор тюрьмы, из которой были по приказанию Скородумова выведены во двор для вырытия могилы арестованные: Черносвитов, какой-то священник, матрос и ещё кто-то. Им даны были лопаты и топор. Эти арестованные приступили к рытью могилы. Я и мои товарищи стояли в это время в стороне, а Скородумов стоял ближе к арестованным. Между Скородумовым и Черносвитовым завязался шумный разговор, но в чём таковой заключался, я не знаю, в этот момент Ильин сделал выстрел в Черносвитова, который упал, а Скородумов сделал несколько выстрелов в лежащего Черносвитова. Скородумов и Ильин были выпивши...

Ни в какой проулок Беляев не сворачивал. Поистине, попадешь в ЧК — не воротишься. На вопрос следователя: сколько выстрелов вы произвели в Черносветова, Скородумов ответил: «Выстрелов произвёл, кажется, 4 или 5». К чему была такая необузданная жестокость?

В опросном листе Скородумова сказано: профессия — крестьянин, занимался хлебопашеством, образование — общее. Что это значит, неизвестно, но, судя по всему, человек был малограмотный, к тому же постоянно пьяный, и вот ему-то было дано право распоряжаться имуществом и жизнью граждан уезда. Как же при осознании таких прав и с револьвером в кобуре удержаться от расстрелов? Не зря же Чехов сказал, что если в первом акте пьесы висит на стене ружьё, то оно должно выстрелить.

Лишь через месяц, 12 декабря 1918 года, Скородумов был арестован, а Ильин к тому времени скрылся.

ДЕЛО СКОРОДУМОВА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Следственной Коллегии контрреволюционного отдела при Ярославской Губернской ЧК

1918 года декабря 20 дня Следственная Коллеция, рассмотрев дело Н. Скородумова в превышении власти, нашла, что:

1) Бывший председатель Пошехонского Чрезвычайкома Скородумов совместно с гр. Ильиным, как это установлено опросом свидетелей-очевидцев, расстреляли гр. Беляева и Черносветова без всякого к тому основания и без установления вины расстрелянных, не имея на то постановления ЧК, неизвестно чем руководствуясь.

2) Кроме того, Скородумов подговаривал и начал конвоинных установить факт имевшейся якобы попытки к побегу со стороны расстрелянных, что в действительности не имело места и что не может не усугублять вины Скородумова.

3) Место преступления есть город Пошехонье, причисленный к Рыбинскому району, а потому дело Скородумова подлежит передаче на рассмотрение Рыбинского Ревтрибунала, а сам он переводу в Рыбинскую тюрьму...

Председатель Коллегии:

При всей очевидности преступления началось неспешное, по меркам революционного времени,

разбирательство. Несколько раз собирались коллегии Рыбинского и Ярославского трибуналов. Скородумову было предъявлено и обвинение в незаконном расстреле восьми эстонцев, казалось, суровое наказание неотвратимо. Однако Скородумов завалил трибунал настойчивыми просьбами об освобождении (и его на некоторое время освободили под поручительство брата), написал таковое прошение даже Ленину:

МОСКВА ЛЕНИНУ

Просим распоряжения Рыбинскую Следственную Комиссию скорейшем разбирательстве дела сижу пять месяцев следствие не закончено контрреволюционеров дела разбирают два-три дня к партийным относятся пристрастно сижу за контрреволюционеров.

Партийных не освобождают следствия не заканчивают с болью в сердце смотрим такую Комиссию ждём вашей помощи.

Коммунист Скородумов (подпись) партийный билет № 54.

От всех обвинений он отказывается, стараясь перевалить вину на Смирнова, хотя тот, по крайней мере, не участвовал в убийстве Беляева и Черносветова. Пытался шантажировать своей коммунистической преданностью Ревтрибунал.

*В Рыбинский Ревтрибунал от заключенного
Н. Скородумова*

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу Вас ради Вашей совести разобраться с моим делом и не томить меня здесь. Мне здесь не место. Мои товарищи коммунисты уже на фронте мне становится очень и очень больно когда читаем газету и видим как опять ползучие гады начинают поднимать головы т.е. не здесь так там и всё-таки массы заводят в заблуждение свое тёмной агитацией как например подняли рабочих Петрограда Брянска двух полков красноармейцев затем покушение в Петрограде на взрыв водопроводной станции и железнодорожных мостов и путей и это всё происходит только благодаря того что нет коммунистических сил а вы и остальных здесь смотрите и сморите тех кто на своих плечах создал советскую республику что видно из моих документов которые находятся при Следственной Комиссии и

который отдал себя всё дело «Идею» коммунизма. Я жертвовал и жертвую за эту «Идею» собой.

Тов. Васютин И Андреев я знаю вас как коммунистов и ужели вам легко смотреть на эту картину, т.е. на то что сил революционных мало, а вы их держите по тюрьмам и заставляете разочаровываться в «Идею». Я этого не понимаю чтобы истинный коммунист на это смотрел с хладнокровием как на недостаток сил революционных. Льётся братская кровь от рук монархистов.

Тов. ещё раз прошу как можно скорей выяснить моё дело. Я арестован с 12 декабря 1918 года и до сих пор не могут закончить следствие это вполне ненормально и арестован только по личным счётам сотрудника Губернской ЧК Кокорева которого я не принял в Уездную ЧК в качестве сотрудника. Он мне и начал за это мстить и он же угрожал конвою при первом допросе что если вы не покажете так как он им диктовал я вас арестую и отправлю в Ярославль и они боясь этого показывали то что он им диктовал а так же и председателя Губ. ЧК просил чтоб меня арестовал и расстрелял.

Я думаю вам достаточно видно что у меня ни с Беляевым ни с Черносветовым не было личных счетов и моей корыстной цели а **чисто классовая борьба как с ярым врагом. Достаточно одного что Черносветов дворянин земский начальник и капитан монархический, Беляев студент сын протоиерея кадет** и они разве могут когда-нибудь быть солидарны с нами. Нет! Хотя они на время иногда и замолкали как только почувствовали слабость со стороны власти то вот и видно явились с их стороны.

Кто-то поднимал петроградских рабочих и красноармейцев. Да опять такие же типы. А вы истинных коммунистов морите по тюрьмам. Моё место на фронте а не здесь томиться а бить врагов трудового народа т. е. за власть советов. Революция окружена кольцом империалистов и буржуа и нельзя думать что республику Советов миновала опасность. Так каждый идейный работник коммунист нужен и он там дорог для советской республики потому и прошу вас товарищи как можно скорей разобрать дело а то я сижу уже здесь шестую неделю и меня только утешает тем что вот на этой неделе выедет следователь на место и все-таки ещё оно глас вопиющего в пустыне.

Мне очень становится странным что коммунисты допускают такие явления что как врага

власти томить идейного советского работника который жертвовал собой за идею.

Что касается о присвоении одной тысячи рублей от Катыева то это полнейший абсурд... И по сему прошу с вашей стороны соответствующего распоряжения и известить меня о результатах вашего распоряжения.

Н. Скородумов 6 апреля 1919 г.

Удивительно дерзкое заявление. Скородумов, дав волю своему «красноречию», встал в позу обличителя. При всей своей безграмотности, он как бы объясняет трибуналу политический момент, толкуя про идейных коммунистов, про то, что «революция окружена кольцом империалистов и буржуа и нельзя думать что республику Советов миновала опасность». Вон какая государственная озабоченность: как будто речь партийного вождя. Тут — и гневная раздражительность, и укоризны в адрес трибунала, и даже поучения и демагогические разглагольствования о «нехватке революционных сил». Хочется воскликнуть: избави бог от таких революционных сил! Чего стоят самонадеянные фразы: «прошу вас ради вашей совести», «мне здесь не место», «я жертвовал и жертвую за «Идею» собой» и т.п. Расстрелял Беляева и Черносветова, так ведь **«достаточно того**, что один — дворянин, другой — студент, сын протоиерея».

Думается, он, несмотря на тяжкие обвинения, сознавал свою безнаказанность, заручился разными справками и поддержкой пошехонских коммунистов, которые в выписке из протокола заседания фракции Коммунистов-Большевиков Уездного исполкома от 10 февраля постановили: «...обсудив всесторонне вопрос, фракция Исполкома считает тов. Скородумова как хорошего политического и технического работника до поступления в ЧК, за проступки же, совершённые в ЧК, так как дело фракции неизвестно, не ручается».

Были получены положительные отзывы из воинской части, где Скородумов служил, из Петрограда, где какое-то время он состоял членом Петроградского совета, вероятно, как армейский делегат, и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СЛЕДСТВЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ПРИ ЯРГУБРЕВТРИБУНАЛЕ

1919 года февраля 14-го дня, Следственная Коллегия, рассмотрев законченное следствием дело о

бывшем Председателе Пошехонской ЧК Н.Д. Скородумове, обвиняемом в беспричинном убийстве гр. Беляева и Черносивитова, нашла, что из обстоятельств следствия установлено: 1) Свидетельскими показаниями конвоиров отряда Пошехонской ЧК устанавливается, что Беляев был убит по приказанию и команде Скородумова...2) что Скородумов вначале дал ложное показание, 3) что бывший зав. контрреволюционным отделом Пошехонской ЧК Ильин убил двумя выстрелами Черносивитова, а затем последний был пристрелен ещё четырьмя пулями Скородумовым, 4) что из показаний конвоиров... установлено, что все они дали ложное показание, а в последствии сознались и дали правильное показание, 5) что в деле фигурирует Ильин..., пришла к заключению, что дело о Скородумове подлежит рассмотрению в Рыбинском Ревтрибунале в связи с имеющимся там делом об убийстве в д. Каменке 8 человек эстонцев и об убийстве 3-х человек в селе Семёновском того же уезда, где он, Скородумов, фигурирует в качестве начальника вооружённых сил.

В отношении Ильина и конвоиров Серебрякова, Тумакова, Лаврова дело выделить в особое производство...

Пред. коллегии:

Дело Скородумова слушалось 12 августа 1919 года в заседании Яргубревтрибунала, с привлечением защиты, тогда как «буржуазному элементу и прочим классовым врагам» защита не предоставлялась: с ними разговор был короткий. В результате Скородумов признал себя виновным только в пьянстве.

«В заявлении защиты были оглашены:

- 1) Показания свидетеля Серебрякова,
- 2) Отношение командира 2-й батареи 3-й Финской стрелковой артиллерийской бригады,
- 3) Удостоверение от коменданта Таврического дворца.

По окончании следственного производства слово предоставляется государственному обвинителю т. Давыдовскому, который не отрицает деятельности Скородумова для революции, но указывает, что он свой революционный пыл часто подогревал вином, благодаря чего он не мог быть истинным революционным деятелем; то же вино повлекло расстрел Черносивитова и Беляева, хотя они и были классовыми врагами, но в то время они были без-

вредны; в деле расстрела 8 эстонцев, хотя Скородумов физического участия не принимал, но он делал незаконные приказания: вообще тенденция Скородумова делать страшные глаза, и просил вынести обвинительный приговор.

ПРИГОВОР

Именем РСФСР Яргубревтрибунал..., принимая во внимание, что в деле есть масса документов, которые говорят за то, что он был истинным революционером..., что расстрелянные лица принадлежали к буржуазному классу...

ПРИГОВОРИЛ:

гр. Скородумова Н.Д. **условно к пяти годам** лишения свободы. Действие условной меры распространяется до окончания Гражданской войны.

По отношению Ильина принять меры к розыску, дело же о нём выделить производством.

Председатель трибунала:

Члены:

Что тут сказать? Ворон ворону глаз не клюнет. Если обвинитель не признаёт Скородумова истинным революционером, то трибунал считает его таковым, несмотря на всё содеянное. Как тут не вспомнить фильм «Семнадцать мгновений весны», в котором часто повторяется определение «истинный ариец». После такого приговора понятно, почему чекисты столь вольно распоряжались жизнью неугодных «элементов».

Вскоре Скородумов уже работает в Уездпродкоме г. Пошехонье-Володарска (Уездный продовольственный комитет) в качестве агента-ревизора. А в начале 1920 года, когда была создана соседняя Череповецкая губерния, мы видим Скородумова председателем какой-то УТЧК в г. Череповце, и возникает новое дело о пьянстве в ночь на Новый год.

В приговоре Череповецкого Губревтрибунала от 8 мая 1920 года сказано:

В ночь с 31 декабря 1920 года по случаю встречи Нового года служащими УТЧК был устроен семейный вечер сначала в общежитии при УТЧК, а затем с разрешения председателя УТЧК Скородумова перенесённый в помещение УТЧК. В это время в Губчека были получены сведения, что среди присутствующих есть пьяные. Для проверки и устранения такого недопустимого явления пред-

седателем Губчека тов. Михаль были немедленно командированы на вечер сотрудники... Последними и были найдены в нетрезвом виде председатель УТЧК, он же ответственный распорядитель вечера тов. Скородумов и граждане гости Волков гармонист и Поздняков.

Около ворот УТЧК агентом Васильковым был встречен комбат 26-го батальона Мирошниченко, также в нетрезвом виде, который на замечание Василькова грубо ему ответил: «Вам что за дело?» и в угрозу вытащил из потайного кармана револьвер и оставил его на Василькова...

На основании изложенного, руководствуясь революционным правосознанием, постановили:

Мирошниченко, Волков, Поздняков — к одному году заключения в лагерь принудительных работ, но применить амнистию первомайскую 1920 года. Скородумову, как уже подвергшемуся Ярревтрибуналом условному лишению свободы на пять лет и ввиду совершенного нового преступления, означенный приговор привести в исполнение, подвергнуть заключению в Череповецкий исправдом сроком на 5 лет, но, принимая во внимание первомайскую амнистию 1920 года, наказание уменьшить до одного года, считая срок с 8 мая 1920 года.

Но и этот малый срок Скородумов не отсидел, освободившись по очередному прошению. В связи с этим из Череповца было направлено разъяснение в Ярославский Губревтрибунал:

На отношение за №371 Череповецкий Губревтрибунал препровождает копию приговора на Скородумова и сообщает: 1) что приговор Скородумовым был кассирован и Кассрибом утверждён в целом в заседании 5 июля 1920 года, 2) что Скородумов ... наказание отбывал до 5 июля, а затем походатайствовал. Согласно постановления заседания от 5 июля был отправлен на фронт через Уездвоенкомат с предупреждением, что при повторном преступлении будет отбывать наказание в течение положенного срока, 3) вопрос о применении к нему амнистии 3-й годовщины Октябрьской революции не обсуждался.

Итак, пробыв в череповецком заключении всего два месяца, Скородумов освободился испытанным способом: снова просился на фронт. Это должен был сделать Череповецкий Уездвоенкомат, но Скородумов сумел договориться об отправке через свой Пошехоно-Володарский Уездвоенкомат и отпраился «для ликвидации домашних дел и

перевозки вещей из Череповца, где служил, домой в Пошехоно-Володарский уезд», как он объяснял следователю.

Здесь начинается новая глава его походов и новое дело, связанное с «умышленным уклонением от фронта». Как?! — удивитесь вы. Ведь было такое горячее желание «жертвовать собой за «Идею» коммунизма», «бить врагов трудового народа». Оказалось, не было никакого пылкого стремления на фронт, а была лишь пафосная мотивация скорейшего освобождения из заключения. Что ни говори, на фронте — реальная опасность, это тебе не начальствовать в родном уезде, размахивая револьвером.

Скородумов симулирует то одну, то другую болезнь, добываясь отсрочки призыва на нескольких медкомиссиях. В последней справке сказано: «31 августа Комиссией отсрочка продлена на один месяц (малокровие, упадок сил)...» Однако он продолжал работать в Пошехонском Уездпродкоме, и, несмотря на то что был признан годным к строевой службе, снова добился отсрочки. Тогда, уже 20 февраля 1921 года, был допрошен следователем Яргубревтрибунала Павловым в качестве обвиняемого в умышленном уклонении от фронта. Но и на сей раз ему дали отсрочку до 1 мая 1921 года, а в итоге он был избран председателем Давыдовского волисполкома. К тому времени боевые действия на фронтах Гражданской войны были окончены.

Практически никакого наказания за тяжкие преступления наш «герой» не понёс: как говорится, а шуку бросили в реку. Мало ли было таких «идейных» чекистов и командиров, охмелевших от своего неожиданного начальственного положения, творивших произвол по всей России?

ИЛЬИН

Другой фигурант этого громкого дела, как мы помним, скрылся от преследования трибуналом. В газету «Известия» было отправлено объявление такого содержания:

«Следственная Комиссия при Рыбинском Революционном Трибунале разыскивает скрывшегося бывшего заведующего спекулятивным отделом Пошехонской Ч.К. Ивана Фёдоровича Ильина..., есть предположение, что означенный Ильин скрылся под другой фамилией

Фёдор Ильич Петеряков. 30 лет, шатен, среднего роста, подлежит немедленному задержанию и доставлению в Рыбинский Трибунал для предания суду. Просим другие газеты перепечатывать.

Председатель:

Секретарь:

1919 год, число — неразборчиво.

Нашли Ильина, как видно, лишь в 1921 году. Познакомимся с ним несколько подробней, поскольку это был человек не совсем местный: по определению командира отряда ЧК Смирнова, «петроградский хулиган».

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ

для обвиняемых Революционным Трибуналом

Ярославский Губернский Трибунал

Ф.И.О. — Ильин Иван Фёдорович

Возраст — 32 г.

Классовое происхождение — крестьянин.

Место рождения — Петроград.

Постоянное место жительства — Петроград.

Давно ли живёт в г. Пошехонье (месте совершённого преступления) — с 1918 года.

Семейное положение — женат.

Профессия — слесарь.

Занятие во время совершения преступления — товарищ председателя Уездчека.

Имеет ли недвижимость — нет.

Состоит ли членом профсоюза — Союз железнодорожников Петрограда с 1920 года.

Отношение к воинской повинности (до Октябрьской революции и сейчас) — с 1914 г. по 1920 г.

Не имеет ли особых телесных или душевных повреждений — ранен в ногу.

Предшествовавшая судимость — до Октябрьской революции — одна, за принадлежность к партии.

Преступление совершено:

а) когда — в 1918 г., ноябрь,

б) где — г. Пошехонье-Володарск,

в) единолично или в сообществе

Содержался под стражей, указать, сколько времени — с 4 декабря 1920 г. по сие время.

Дело Ильина было назначено к слушанию выездной сессией Яргубревтрибунала в г. Пошехонье-Володарске в упрощённом виде.

ПРОТОКОЛ

1921 г. 23 февраля именем РСФСР Яргубревтрибунал

...Дело слушалось без допущения защиты и обвинения, без вызова свидетелей. Заседание открывается опросом обвиняемого. Обвиняемый признал себя виновным в убийстве Черносвитова.

Когда Черносвитов рыл могилу для Беляева, то мне показалось, что он замахнулся на Скородумова. Я хотел выстрелить ему в руку, а попал в спину (явная ложь. — Ю.Б.), я и Скородумов были действительно выпивши, это сделали **для подкрепления сил**, так как это происходило в 1918 году и приходилось работать день и ночь...

В заключительном слове Ильин просил... не заключать его в тюрьму, а дать возможность на свободе искупить вину и принести пользу государству.

ПРИГОВОР

Именем РСФСР Яргубревтрибунал в составе

Председателя: Новожилова

Членов: Фомичева, Смирнова

1921 г. февраля 23 дня выездное заседание в Пошехонье-Володарске.

Слушалось дело Ильина Ивана Федоровича...

Приняв во внимание, что Ильин член РКПБ, бывший сотрудник Уездчека, в 1918 году, будучи в пьяном виде, незаконно расстрелял двух арестованных

ПОСТАНОВИЛ

Признать обвинение доказанным в совершении вышеизложенного преступления и приговорил Ильина И.Ф. к пятнадцати годам общественных работ с лишением свободы, но, принимая во внимание последующую амнистию и частью искупления им вины на Красном фронте, настоящий приговор применить условно.

Настоящий приговор вступает в силу с 23 февраля 1921 года.

Очевидно, что приговоры своим людям трибуналы выносили весьма щадящие, больше — для острастки, была спасительная формулировка «но, принимая во внимание...».

СМИРНОВ

Выше были приведены показания командира боевого отряда Пошехонской ЧК, данные им 25 февраля 1919 года председателю Следственной комиссии при Рыбинском Ревтрибунале

Э. Майстеру, где сказано: «Василий Флегонтович Смирнов, 36 лет, грамотный, женат, имеет троих детей, слесарь, в настоящее время занимается крестьянством, коммунист, № карточки 68, гр-н Ярославской губернии, Пошехонского уезда...»

Смирнову повезло меньше, чем его начальникам: известно, что шмель проскочит, а муха увязнет. В справке Рыбинского дома лишения свободы сообщается, что он осуждён к расстрелу, но ввиду болезненного здоровья расстрел заменён 20 годами каторжных работ с зачислением предварительного заключения: считается с 28 ноября 1918 года по 28 ноября 1938 года.

Понятно, что он тоже обращается к трибуналу (4 августа 1919 года) с прошением о помиловании, в конце пишет, что зелёноармейцы разорили всё его хозяйство, хотели расстрелять жену за то, что он коммунист, и просит отправить на фронт, «для борьбы с белогвардейской сволочью».

ВЫПИСКА

из протокола Распорядительного заседания Коллегии Яргубревтрибунала

Слушали: Переписка Губкомпартии об освобождении т. Смирнова из-под стражи и отправке на фронт согласно его прошения.

ПОСТАНОВИЛИ

Рассмотрев переписку по существу и приняв во внимание, что гр. Смирнов неоднократно судился за убийство с целью грабежа и по сему является элементом вредным для республики, в просьбе, указанной в прошении, отказать, в чём довести до сведения Губкомпартии.

Однако Смирнов вскоре обратился в Губтрибунал с новым прошением.

Заклученного при Рыбинском Доме лишения свободы В.Ф. Смирнова, бывшего начальника боевого отряда и следователя Пошехонской ЧК

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу не отказать Коллегию Яргубревтрибунала о досрочном освобождении меня из заключения, применить амнистию мая месяца сего года.

Желаю доказать преданность Советской власти и стойкость истинного пролетария, не считаясь с тем, что я утомлён после 8-ми месячного заключения, прошу немедленно отправить меня на

фронт в ряды доблестной Красной армии, сражающейся против хищников империалистов.

12 сентября 1919 г.

Начальник Рыбинского дома лишения свободы присовокупил к этому заявлению свою справку:

«В.Ф. Смирнов, содержащийся в Рыбинском Доме лишения свободы с 22 февраля 1919 г., приговором Рыбинского Ревтрибунала от 17 марта с.г. за №545 приговорён к 20 годам с зачётом предварительного заключения.

Смирнов за время нахождения во вверенном мне Доме лишения свободы отличался прилежностью к работам, примерным поведением и ни в чём предосудительном замечен не был. Со своей стороны просил бы удовлетворить просьбу Смирнова, надеюсь, что он вполне оправдает данное им слово быть честным и полезным работником».

В итоге по постановлению Распорядительного заседания Коллегии Яргубревтрибунала от 24 ноября 1919 года, на основании амнистии ВЦИК ко 2-й годовщине Октябрьской революции срок заключения Смирнову был сокращён до пяти лет.

В общем, сценарий тот же: сначала вроде бы суровое наказание, потом — помилование, ведь речь идёт о собственных «идейных» кадрах, а не о каких-то буржуазно-кулацких элементах, которым уготован террор без правил.

СВАДЬБА

В завершение — ещё один сюжет, на этот раз забавный, достойный пера Гоголя, если бы пир не происходил во время чумы военного коммунизма.

По счастью, на свадьбе присутствовал не лишённый литературного дарования военный комиссар Займищевской волости Н. Утин, который доносил своему начальнику, военному комиссару Пошехонского уезда 26 января 1919 года:

РАПОРТ

Доношу Уездному Военному Комиссару, что в вверенной мне Займищевской волости 26 января с.г. состоялась свадьба члена Пошехонского Уездного Исполкома тов. Климова с гражданкой Н.И. Рыбиной, деревни Большое Исаково. Состав гостей был следующий: Председатель Пошехонского Уездного Исполкома т. Рыбин, товарищ Председателя тов. Яблоков, Председатель закупочной комиссии И.И. Иванов, члены исполкома других отделов: т.т.

П. Гусев, К. Груздев, оба брата Соколовы. Из Ярославля: т.т. Юшков, Морозов. Начальник Пошехонской Уездной милиции т. Смирнов, волостной военком Потапин, Председатель Займищевского волостного Совдепа т. Чкалов, секретарь Пошехонской Уездной Компартии Борисов, и много других гостей было из обывателей волости, я же был приглашён лично т. Климовым участвовать на свадьбе, я отправился пешком, пригласив с собой волостного милиционера т. Васильева, как сочувствующего коммуниста волостной ячейки, с которым мы, как коммунисты, повели разведку, исполняя ваше приказание. Доношу следующее:

Когда гости во главе с женихом и невестой подъехали к церкви села Давыдовского, в котором находится Волостной Совет, взойшли в церковь, хотя я до сих пор туда не ходил как коммунист, церковь была иллюминирована огнями, на гостях и женихе были сюртучные костюмы, самые изысканные. После венчания гости, сев на несколько троек советских лошадей, укатили на обед, по дороге дали салют из револьверов боевыми патронами, которыми на фронте нуждаются. По приезде гостей на пир начались поздравления с законным «церковным» браком, поздравляющий получал чарку водки «Николаевской». Обед был изысканный, даже пиво было из хлеба сварено, чай с монпасье, сливочное масло, желе сладкое из белой муки, всё как следует было привезено из Пошехонья. Когда коммунисты были под шумом от пяти литр вина и нескольких бутылок водки с пивом, затянули «вставай проклятым заклеимённый», поп тоже подтягивал, хотя он самый ярый монархист и пропагандист против Советской власти, но с вином видно мотив попу пондравился нашей пролетарской песни, и он пел и краснел.

Что было уничтожено продовольствия на свадьбе, то можно бы несколько дней прокормить целый район петроградских рабочих в теперешнее время. После обеда и тостов открыты были танцы, добрая половина коммунистов отправилась в другую комнату играть в карты в «двадцать одно», играли на два стола, банк доходил до пяти тысяч рублей и больше, играющие были следующие:

секретарь Пошехонской Уездной Компартии т. Борисов, члены исполкома товарищи: Гусев, Соколов, Иванов — председатель закупочной комиссии, Морозов, Игнатьев А.Г. — секретарь Займищевского Земотдела. Проигрывались одни, сменяли

другие, было «монте-карло» коммунистов. В 12 часов ночи я вам послал телеграмму, чтобы выслать для ареста этой компании несколько красноармейцев, я зашёл посмотреть в последний раз на играющих, там несколько дремало, один спал, остальные играли, я ушёл, докладывать тут было некому так как стоящие у власти сами принимали участие или следили за игрой, начиная с уездного председателя Исполкома и кончая волостным, не исключая и председателя уездной компартии.

В это время наша доблестная красная армия дралась за Оренбург, может быть, раздетая, но сознавая, что в тылу у них работают оставшиеся товарищи.

Да! Они работают! 26 января пили вино пиво, курили папирсы, пили чай с монпасье, уничтожали вкусные обеды в большом количестве, сливочное масло кушали, одевши были тепло в шубах и прилично в сюртуках играли в «двадцать одно», проигрывали тысячи, и 27 января уже в Пошехонье делали манифестацию «Оренбург взят!». С похмелья пели интернационал, а вечером можно опять в очко в карты, нам что, мы сидящие у власти коммунисты «Красного Пошехонья», и в Ярославле про наше Пошехонье знают только с одной стороны. А Партия? Мы сами партия. Мужик про нас не сумеет доложить куда нибудь по выше, а интеллигент побоится потому что мы сильны в уезде и мы подкрашенные коммунисты Пошехонья будем мстить во всю.

Чтобы не видеть больше этой картины ужасного позора наших Пошехонских коммунистов, прошу Уездного Военного Комиссара освободить меня от занимаемой должности Волостного военкома и отпустить на фронт к тем коммунистам, которые борются с белой сволочью, имея в руках винтовки, но не стаканы с вином.

Вол. военком: Н. Утин

Вот таким образом «подкрепляли силы», по выражению чекиста Ильина, между карательными рейдами по деревням уездные начальники, они же — идейные большевики.

В то же время крестьяне, доведённые до отчаяния поборами, реквизициями и репрессиями, голодали. Жители Хмельёвской волости Пошехонского уезда создали Земельный Союз, что было расценено как попытка противодействовать власти. На них был наложен Пошехонским революционным судом штраф в пользу Уездного Совета, «признавая тако-

вых личностей вредными для Советской власти». С 39 человек было собрано 100000 рублей.

Хмелёвцы попытались противиться, приняв на волостном всесословном сходе 3/16 апреля 1918 года своё постановление, не согласное с постановлением суда. В нём было сказано: «В марте были собраны в волости 30100 рублей для приобретения продовольствия для чуть ни помирающего с голоду бедного населения». Были направлены с этими деньгами в Московский Продовольственный отдел нарочные, но по дороге всех троих убили в г. Рыбинске, и деньги пропали. И вторично собрали такую же сумму, что оказалось тяжким бременем для граждан волости.

А вот как отреагировала на действия хмелёвцев местная власть:

ВЫПИСКА

из протокола пленарного заседания Пошехонского Уездного Совета
9/22 апреля 1918 г.

Слушали: Постановление граждан Хмелёвской волости.

Постановили: Вызвать главарей агитировавших против Советской власти и передать дело в Комитет по борьбе с контр-революцией и саботажем. Прекратить выдачу Хмелёвской волости нормированных продуктов за неподчинение Советской власти, о чём сообщить через волостной Совдеп.

Председатель Совета: Киселёв.

Доведённые до крайности жители Хмелёвской волости направили своё обращение в Ярославский Совет, умоляя о помощи:

...Посылаем наших делегатов к Вам, как к единственной власти нашей губернии с просьбой избавить нашу волость в количестве 7500 человек от голодной смерти.

Повсеместные, неоднократные обыски имущих превратили в нищих, всё что было съедобного поедено, достать хлеба в округности за деньги нет никакой возможности.

1. С августа месяца 1917 года видели мы наше безвыходное положение и начали хлопотать об этом, был послан депутат к бывшему министру торговли Пешехонову. Он в просьбе отказал волости как единице.

2. В январе 1918 года были посланы депутаты к Вам на Ваш призыв на поездку за хлебом но увы и

эти вернулись без хлеба. Вновь от Вас был призыв собрать деньги и приехать к Вам. Мы сейчас же откликнулись с радостью собрали деньги и отправили к Вам. Но этих убили в Рыбинске троих. Но и это нас не остановило. Выбрали вновь и отправили к Вам новых делегатов с наказом или умереть или вернуться с хлебом, иначе выхода нет, дорога падает. Все сообщения с нашим краем прерываются.

И эти 30-40 пудов, которые Вы посылаете нам в месяц не могут избавить нас от голодной смерти. Поэтому и просим Вас послать нам немедленно 1000 пудов, только это может избавить нас от голодной смерти. Иначе мы все идём к Вам в город и делайте с нами что хотите. Если мы не вправе получить кусок хлеба от Вас, как от единственной власти, поступайте с нами как Вам будет угодно. Вполне убеждены, что Ваша власть может остановить приход голодной смерти. Это не прозьба, а это плачь, стон и рев голодных крестьян и их детей.

И не случайно дело кончилось массовым дезертирством из Красной армии, уклонением от призыва, восстаниями во многих уездах, особенно летом 1919 года. Масштабы дезертирства были огромны, в лесах скрывались тысячи так называемых бело-зелёных, не хотевших воевать на фронтах Гражданской войны. В Пошехонском уезде одним из отрядов восставших (80 человек) командовал волостной милиционер, бросивший службу. Дошло до того, что из воинского эшелона бежали 102 красноармейца. Было множество (тысячи) судебных дел, связанных с незаконным проведением обысков и присвоением конфискованного имущества, с мошенничеством, вымогательством, но основные — об уклонении от службы в Красной армии и дезертирстве.

За восстаниями «зелёных» последовали мятежи кронштадтских моряков и антоновцев на Тамбовщине, закончившиеся по определению неудачей.

В то же время из центра рассылались по губерниям и уездам приказания, направленные исключительно на реквизицию крестьянского имущества, поскольку экономика рухнула, заводы остановились, а фронт требовал подкреплений. Вот одно из таких постановлений, касающееся Пошехонского уезда:

ВЫПИСКА

из протокола пленарного заседания Пошехонского Уездного Совета рабочих, крестьянских и

красноармейских депутатов совместно с Комитетом РКП Большевиков от 5 декабря 1918 г.

ПОРЯДОК ДНЯ:

Доклад Уездного Комиссара по военным делам тов. Ферাপонтова.

ПОСТАНОВИЛИ:

Тов. Ферাপонтов огласил телеграмму которой требуется мобилизовать в уезде 262 лошади способных возить тяжёлую артиллерию и телеграмму Губвоенкома о том, что тов. Ферাপонтов отзывается с должности военкома и что тов. Скородумов не может быть допущен к исполнению обязанностей военкома и просит вынести по сему определённое постановление, дав оценку работы его и тов. Скородумова.

*Заслушав доклад заседание постановило: а) поручить военкомату сделать раскладку требуемого количества лошадей артиллерийского типа по волостям, б) товарищам Ферাপонтову и Скородумову **вынести полное доверие как плодотворным и энергичным политическим работникам...***

И здесь фигурирует фамилия Скородумова: что поделаешь, если незаменимый номенклатурный работник? После всех преступлений, за неделю до ареста, уездная власть оказывает ему полное доверие, рекомендуя на должность уездного военкома. Не потому ли столь самонадеянно он вёл себя, находясь под следствием?

НА МЕСТЕ СОБЫТИЙ

Чтобы завершить наше повествование, надо было побывать на месте трагических событий столетней давности. Дождливый августовским днём мы с дочерью приехали в Пошехонье, впечатлившее нас обширной площадью с каменными зданиями, хорошо сохранившимися торговыми рядами и внушительным храмом возле них. К площади примыкает берёзовый сквер, где установлен памятник семерым братьям Королёвым, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. Не дождавшаяся ни одного из них мать — рядом с ними.

Первым делом мы побывали в краеведческом музее. О здешних чекистах сведений не нашли, и слава богу, а то могла быть ещё одна героическая страница их деятельности. Спросили, сохранилась ли тюрьма. Да, ответили нам, только её приспособили под жилой дом.

Неподалёку от того места, где на мосту через реку Согу Ильин отобрал велосипед у студента Беляева, обособленно стоит крепкое двухэтажное здание из красного кирпича, со стенами метровой толщины, снаружи хорошо сохранившееся, но внутри настолько мрачное, запущенное, что трудно было поверить, что здесь живут люди: входная дверь сломана, обшарпанные, будто закопчённые стены испещрены надписями. Под тяжёлым арочным сводом — высокая лестница на второй этаж, откуда торопливо спустился парень. Он не мог ответить, давно ли здесь существует жилой дом, но весело сказал:

— Сейчас постучим в камеру номер шесть.

Ободранную дверь открыла старушка, от которой мы узнали, что жильцов здесь поселили в 1954 году. Конечно, крепкое кирпичное здание надо подо что-то приспособлять, и всё же сознание того, что ты родился, вырос и прожил, может быть, полвека в бывшей тюрьме, должно угнетать.

Напоследок я постоял во дворе бывшей тюрьмы, пожелав царства небесного невинно убиенным и закопанным где-то здесь Черносвитову и Беляеву. Вероятно, та же участь постигла и некоторых других узников.

Основной целью нашей поездки было встретиться с кем-нибудь из эстонцев деревни Каменки, увы, таковых не нашлось. Оказалось, что едва существуют три одноимённые деревушки: Каменка-1, Каменка-2, Каменка-3. К счастью, удалось встретиться со старожилом Каменки первой дядей Сашей, который рассказал, что все эстонцы уехали отсюда на родину вскоре после войны, в 1947 году. У него самого даже брат уехал вместе с женой-эстонкой. Когда и каким образом эстонцы появились в этом крае, никто не знает: было это ещё в царские времена.

— В каком месте расстреляли эстонцев? — спросил я.

— А тут, недалеко, не доезжая до деревни Пенне.

— Где они похоронены?

— На эстонском кладбище, это — в лесу, за третьей Каменкой, самим вам не найти. Поезжайте туда, как свернёте с дороги — хозяин первого дома по левой руке вам кое-что пояснит.

Названного человека не оказалось на месте, нам посоветовали проехать за деревню, где на отшибе живёт охотник, который может сводить к

заброшенному кладбищу, находящемуся в лесу, километрах в двух от деревни. День заканчивался, глинистую дорогу развезло, и, к сожалению, добраться до кладбища не удалось.

На обратном пути остановились у речушки Малая Керома перед деревней Пенье, где, вероятно, были расстреляны эстонцы. Продолжал накрапывать дождь, сама природа оплакивала бессмысленные жертвы террора давних лет.

**По материалам Государственного архива
Ярославской области.**

Юрий Серафимович БОРОДКИН

родился в 1937 г. в Нижнем Новгороде.

В 1967 г. окончил Литературный институт.

Автор книг прозы «Ветры над яром» (1966), «Рябиновые бусы» (1968), «Запретная любовь» (1971), «Каменная грива» (1972), «Ночлег в Журавлихе» (1973), «Санькино лето» (1976), «Запах вербы» (1986), «Земля заветная» (1987), «Поклонись роднику» (1989)

и мн. др. Его роман «Кологривский волон» отмечен первой премией ВЦСПС и Союза писателей СССР.

Дважды выходили его «Избранные произведения».

Более двадцати лет Юрий Бородкин возглавлял Ярославскую областную писательскую организацию.

Избран членом Высшего творческого совета Союза писателей России.

Живет в Ярославле.

